

Упустишь — пожалеешь на всю жизнь

В Поднебесной чувства чаще всего скрепляются за трапезой. Когда чарки ходят по кругу, а хмель туманит взор, беседа достигает своего пика. Пока остальные гости обсуждали дела управы, Лавочник Лу подсел к Управляющему Хуану, чтобы разузнать о книгах, которые должны были выйти из печати в следующем месяце.

Господин Сюй, уловив момент, пододвинулся ближе к Чу Цы. Он засыпал юношу вопросами: откуда тот родом, где учился и прочее в том же духе. Его лицо не покидала елейная улыбка, напоминавшая расцветшую крупную хризантему.

Сюцай Чу отвечал лишь на то, что не имело особого значения. Тот оказался достаточно тактичным и не переходил границ, однако его внимание всё равно заставляло юношу чувствовать себя не в своей тарелке.

Чу Цы прекрасно помнил, что именно этот человек купил его прошлую картину, и именно его содействие помогло так быстро получить разрешение на печать сборника.

«Неужели мои рисунки настолько хороши, — размышлял он, — что он сначала стал фанатом творчества, а теперь переключился на самого художника?»

Такая восторженность в пожилом мужчине выглядела, мягко говоря, странно. Юноша даже засомневался: а не питает ли Господин Сюй к нему каких-то... особых симпатий? От этой мысли по спине пробежал холодок. Он невольно отодвинулся подальше, чтобы не давать повода для кривотолков.

Пиршество продолжалось около двух часов, яства на столе сменялись несколько раз. Для этого обеда Писарь Чжан выбрал вино «Лихуа Бай» — ароматное, с легким сладковатым привкусом, но с коварным, тяжелым хмелем. Будучи единственным младшим за этим столом, Чу Цы волей-неволей пришлось осушить добрую половину кувшинов в одиночку.

Когда гости разошлись, Ху-цзы помог захмелевшему ученому добраться до поместья Чжан. Несмотря на то что сознание уже поплыло, Чу Цы упрямо направился в кабинет.

Под недоуменными взглядами Чжан Вэньхая и Фан Цзиньяна юноша схватил кисть и размашисто начертал на бумаге несколько слов. Закончив, он удовлетворенно кивнул и, ни на кого не глядя, вышел, добрался до своей комнаты и рухнул на кровать.

Оставшиеся в кабинете друзья поначалу старались следовать правилу «не смотреть на чужое», ведь написанное пером открывает тайны сердца. Однако любопытство жгло их изнутри. Им до смерти хотелось узнать: какие же «истинные слова» сорвутся с кисти такого сдержанного и

рассудительного человека, как Брат Чу, когда он пьян?

Вэньхай то и дело вскакивал — то воды попить, то по нужде, — и каждый раз его взгляд косил в сторону стола соседа. Наконец, не выдержав, он решительно подошел ближе.

«В конце концов, если там что-то неподобающее, — решил Брат Чжан, — я просто похороню эту тайну в себе и никому не скажу, даже Цзиньяну! Пусть кусает локти, раз не пошел смотреть вместе со мной!»

— Ого... — выдохнул Вэньхай.

Фан Цзиньян, который всю прислушивался, знал привычку друга: когда тот видел что-то интересное, то невольно зачитывал вслух. Но на этот раз последовало лишь озадаченное «ого». Любопытство окончательно взяло верх.

— Что там такое? — Цзиньян тоже подошел к столу.

На белоснежной бумаге красовались иероглифы, больше похожие на сплетенных в клубок летящих драконов. Это были скорее рисунки, чем слова. Стало ясно, почему Вэньхай молчал: он просто не мог разобрать ни единого знака.

— Брат Чжугуан, я понял! — Вэньхай хлопнул в ладоши. — Ты когда-нибудь просил талисман в храме Шанцин?

Цзиньян качнул головой. Он не слишком верил в подобные вещи.

Храм Шанцин стоял на высокой горе за пределами города и славился своими чудесами: просящий жену — получал жену, жаждущий сына — получал сына. Каждую экзаменационную пору толпы книжников втайне обивали пороги храма, надеясь на помощь богов.

— Уверен, это именно такой талисман! — твердо заявил Вэньхай. — Я как-то видел край бумаги в амулете одного знакомого, там были точно такие же закорючки.

— Неудивительно, что Брат Чу столь талантлив, он ведь даже тайные знаки чертить умеет! — Вэньхай сокрушенно вздохнул, в очередной раз осознав, как важно владеть многими ремеслами.

— Ты уверен? — Цзиньян всё еще сомневался, но, поскольку и сам ничего не понимал, решил дожидаться пробуждения Чу Цы.

Когда юноша пришел в себя, солнце уже клонилось к закату. Поняв, что проспал весь день, он переоделся, смыл запах вина, умылся и вновь обрел свой обычный достойный вид.

Войдя в кабинет, он увидел друзей, прилежно занимающихся за столами, и на сердце стало тепло. Однако их взгляды показались ему весьма странными.

Когда его, словно под конвоем, подвели к столу, Чу Цы всё понял. На бумаге красовались размашистые слова в стиле безумной скорописи — куацао: «Старый извращенец, держись от меня подальше!»

Он уже приготовился объясняться за грубую брань, но тут Чжан Вэньхай с благоговением спросил:

— Брат Чу, это ведь один из видов тайных заклятий-фу?

«Ого! Не узнали? Превосходно!»

Чу Цы невозмутимо свернул лист и спокойно произнес:

— Совершенно верно. Как-то раз я слышал, что такой знак помогает протрезветь, вот и решил начертать его в хмельном угаре. Увы, как видите, я всё равно проспал до вечера. Видимо, способ бесполезный.

Вэньхай понимающе закивал, окончательно выбросив из головы мысли о походе в храм Шанцин. Цзиньяну всё еще казалось, что здесь что-то не так, но собеседник держался так естественно, что придраться было не к чему.

Вернувшись в комнату со свидетельством своего позора, Чу Цы немедленно сжег его в жаровне.

«Какое счастье, — думал он, — что я написал это современными упрощенными иероглифами, да еще и в самом нечитаемом стиле. Напиши я это уставом — прощай, репутация мудреца. Как бы я тогда продолжал эффектно изображать из себя знатока?»

Управляющий Суй и не подозревал, что его попытки сблизиться вызвали у Чу Цы такую настороженность. Он просто поражался удачному стечению обстоятельств.

В прошлый раз, когда молодой господин Коу ездил в уездное училище устраивать Юй-эра, он вернулся в непривычно добром расположении духа. Даже маленький мальчик, который обычно побаивался дядю, тогда осмелел.

Коу Цзин рассказывал, что встретил в училище ученого по имени Чу Цы — человека прямого, честного и острого на язык. Он договорился, что тот присмотрит за Чжунли Юем, и велел

старику при случае отплатить добром.

Кто же знал, что этот юноша и есть тот самый «Гость из-за пределов Небес», написавший портрет госпожи! Хорошо, что удалось помочь ему с изданием сборника, теперь Сюцай Чу наверняка будет еще внимательнее к маленькому Юй-эру.

Душа старого управляющего требовала деятельности. Он хотел узнать о наставнике как можно больше, чтобы подопечный ненароком не обидел его. Но ученый, казалось, избегал Господина Сюя. Пожилой мужчина даже немного расстроился:

«Неужели я не выгляжу доброжелательным дедушкой?»

Поместье Коу

В кабинете под мерцающим светом свечи маленький Юй-эр старательно выводил иероглифы, что-то бормоча себе под нос. С тех пор как в доме появился портрет матери, мальчик словно обрел опору. Окруженный заботой всего поместья, он стал заметно жизнерадостнее.

— Дедушка Сюй, ты вернулся! Я уже закончил уроки и теперь пишу письмо дяде! — Чжунли Юй с гордостью показал исписанный лист.

— Хорошо-хорошо, малыш, пиши. А Сяо Юань и остальные тебя уже накормили?

— Да! Я съел целую куриную ножку, два кусочка мяса, рыбу и... совсем немножко зелени, — Юй-эр воровато глянул на дедушку Сюя, проверяя его реакцию на «немножко зелени».

Тот лишь улыбнулся. Видимо, любовь к мясу у мальчика была семейной чертой Коу — от старого господина до молодой госпожи все были заядлыми мясоедами.

Погладив Юй-эра по голове, Сюй сел в стороне и тоже принялся за письмо Коу Цзину, подробно излагая всё увиденное за день.

Генерал Коу Цзин, получив почту, первым делом прочитал послание племянника. Детские, бесхитростные слова согрели его сердце, и на губах промелькнула мимолетная улыбка. Он коснулся теплой яшмы на шее — хорошо, что он не отправил её обратно.

Затем он открыл письмо управляющего и невольно воскликнул:

— Какое совпадение!

Тот ученый оказался еще и художником. Кто бы мог подумать? Коу Цзин помнил его как человека с пламенным характером, готового ринуться в спор, и не ожидал, что в нем скрывается такая терпеливая душа.

Сидя в походном шатре, Коу Цзин сначала ответил родным, а затем, немного помедлив, снова взялся за кисть и написал отдельное письмо для Чу Цы.

«Если просишь человека о деле, личное письмо будет более вежливым», — рассудил он.

Двадцать четвертый день первого месяца. В лавку «Ханьмо» доставили первую партию книг. Лавочник Лу велел выставить на самое видное место заранее приготовленную доску.

[Новое поступление! Сборник задач «Море слов» — 200 экземпляров!]

[Составлено и проверено лично Батюшкой-чиновником для подготовки к уездным экзаменам!]

[Прохожий, не проходи мимо! Упустишь — пожалеешь на всю жизнь!]

[Шанс выпадает лишь раз! Чего же ты ждешь? Заходи и покупай!]

Рекламные приемы, набившие оскомину в современном мире, для древности были в новинку. Горожане, слушая, как грамотеи зачитывают текст, тут же разносили весть повсюду, понукая знакомых книжников скорее бежать в лавку.

Нашлись и заносчивые студенты, которые презрительно кривились, считая всё это лишь уловкой торговцев, прикрывающихся именем власти. Мол, уездный начальник слишком занят, чтобы писать книги! И, надо признать, они были правы.

Но, несмотря на бравладу, каждый из них втайне отправил слугу купить экземпляр. Стоило такому гордецу бегло просмотреть страницы, как он тут же запирался в кабинете.

А через мгновение вылетал оттуда с криком:

— Быстрее! Беги обратно и купи всё, что осталось!

На первой же странице в графе «Главный редактор» действительно стояло имя уездного начальника, а среди заместителей, помимо незнакомого Чу Цы, значились все первые лица

управы.

«Неужели Батюшка-чиновник и впрямь издал книгу к экзаменам?» — при этой мысли каждый спешил монополизировать знания. Ведь если у других книги не будет, его шансы возрастут!

— Но, молодой господин, — оправдывался слуга с понурым видом, — там ввели это... ограничение. Не больше одной книги в руки!

— Чего же ты ждешь?! Зови всех конюхов и поваров! Даже внука управляющего тащи, пусть купит! — В ход шли любые средства, ведь книг было всего две сотни.

Слуга лишь ворчал себе под нос: внуку управляющего едва исполнился год, какой из него читатель?

Когда толпа покупателей подбежала к лавке, они увидели Лу Фэна, стоящего на пороге.

— Продано! Всё продано! Клянусь, ничего не припрятал! Не верите — ищите сами!

— Нет больше! Приходите завтра поутру, привезем еще две сотни!

— Эй-эй, а эту не трогай! Это я племяннику оставил!

Лавочник Лу лишь горько усмехался, глядя, как очередной покупатель бросает на прилавок целое лян серебра и, схватив книгу, пускается наутек.

Кто бы мог подумать, что две сотни экземпляров, которых должно было хватить на несколько дней, разойдутся за два часа?

Оглядев разоренную лавку, Лу Фэн велел убрать с полок часть других товаров. До пятого числа второго месяца «Ханьмо» должна была торговать только «Морем слов».

Чжан Вэньхай и Фан Цзиньян тоже ухитрились добыть по экземпляру. Увидев на второй странице имя своего друга, они едва не лишились дара речи.

Они знали, что Брат Чу что-то пишет, но думали — так, баловство. А он, оказывается, объединился с самим уездным начальником!

Большинство задач в книге были им уже знакомы. Глядя на то, как другие ученики прижимают к груди эти сборники, словно величайшее сокровище, друзья невольно чувствовали свое

превосходство. Было чертовски приятно осознавать, что автор книги наставляет их лично.

— О, вы уже купили? А я как раз нес вам по экземпляру, — в кабинет вошел Чу Цы со стопкой книг.

Вэньхай и Цзиньян уставились на добычу автора глазами голодных волков, завидевших мясо.

— Брат Чу, сколько у тебя еще? Мы купим всё! — Если им самим книги были не нужны, то для подарков родственникам они были бесценны.

Сючая Чу не касались ограничения — это была привилегия создателя. Эти десять томов прислал ему Лавочник Лу в качестве авторских экземпляров.

Забываясь о небогатых учениках, цену установили божескую — всего двести восемьдесят восемь медяков. А для тех, кто и этого не мог себе позволить, действовало правило: перепиши пять книг — получи одну с ответами в подарок.

Чу Цы цена устроила: оборот важнее высокой наценки. Честно говоря, по сравнению с учебниками его времени это стоило баснословно дорого, что лишний раз доказывало — путь ученого в этом мире нелегок.

Увидев свое имя вторым в списке, юноша сам до конца не верил глазам. Он думал, его впишут в самый конец мелким шрифтом. Оказалось, в управе умеют ценить заслуги, а значит, с этими людьми можно иметь дело и впредь.

В других городках торговля шла не так бойко, как в «Ханьмо», где красовался рекламный лозунг самого автора. Но золото всегда блестит: к вечеру «Море слов» смели и там.

Местные торговцы оказались не так прозорливы, как Лу Фэн, и взяли всего по тридцать-сорок штук. Когда они в спешке примчались к уездным мастерским, то увидели три повозки Лу Фэна. Его люди с песнями грузили новые стопки книг.

— И не ищите, я забрал всё! — сиял Лавочник Лу. — Ждите следующую партию через три дня, да приходите пораньше, ха-ха-ха!

«Коварный лис! Подлый прохвост!» — подобные проклятья не стихали в их сердцах.

Некоторые лавочники пытались воззвать к его совести, расписывая нужды своих учеников. Лу Фэн, казалось, смягчился. Он погладил бородку и изрек:

— Что ж, раз такое дело... Пока новая партия не готова, я сам приеду в ваши городки со своим лотком. Чтобы, значит, не задерживать подготовку будущих сюцаев. Надеюсь, вы, господа, не

станете притеснять гостя в своих краях?

Его коварство вызвало новую волну негодования. Вокруг Лавочника Лу в радиусе сажени не осталось сухого места от возмущенных плевков конкурентов.

«Будете знать, как попрекать меня в прошлые годы, когда ваши дела шли лучше моих!» — довольно ухмыльнулся про себя Лавочник Лу.

<http://bllate.org/book/15354/1423136>